

Район Нан. Город Донгье. Университет иностранных языков.

Наступили летние каникулы, и все помещения кампуса были заполнены лишь наполовину. Большинство студентов, которые скоро станут второкурсниками, уехали на лето домой, а те, кто только что закончил второй или третий курс, в основном оставались в кампусе. Из тех, кто остался, некоторые подрабатывали, некоторые готовились к предстоящим выпускным экзаменам, а некоторые с тревогой готовились к предстоящим мероприятиям по трудоустройству.

В наши дни найти работу после окончания университета было нелегко. Всякий раз, когда речь заходила об этом, будущие выпускники, как правило, чувствовали беспокойство и тревогу.

Женское общежитие East 9 было полностью заселено студентами третьего курса английского языка. После летних каникул им всем предстояло пополнить ряды городских соискателей работы. Был уже поздний вечер, и по коридорам общежития гулял прохладный ветерок. Двери многих комнат были открыты, чтобы проветрить их от душающей жары, в которой они оказались запертыми в течение дня.

Но дверь в комнату 509 была плотно закрыта. Ни один луч света не проникал внутрь.

— Неужели там никого нет? — спросила Ван Цзяо из комнаты 510. Она училась в том же классе и в том же году, что и четыре девочки, жившие в комнате 509. — Почему их дверь закрыта в такое время? Разве мы не договорились вместе пойти купаться сегодня вечером?

Шу Юй прижала указательный палец к своим губам.

— Тссс! Вэнь Цзинцзин только что вернулась сегодня днем. У нее жар, поэтому она сейчас спит.

Ван Цзяо тут же подавила голос до шепота:

— Почему у нее поднялась температура? Это серьезно?

— Думаю, довольно серьезно. Иначе Вэнь Цзинцзин не стала бы отрываться от работы, чтобы прийти поспать днем, — сказала Шу Юй. Она взяла Ван Цзяо за руки и стала тянуть ее к лестнице, пока та говорила. — Ее семья потянула за ниточки и устроила ее на стажировку в какое-то ведомство по иностранным делам. Она очень усердно работает.

— А что насчет других девушек из 509? — Ван Цзяо оглянулась через плечо. — Почему они все пропали, кроме Вэнь Цзинцзин?

— Наверное, они либо в библиотеке, либо на работе, — со смехом ответила Шу Юй. — Не волнуйся так сильно, они все ботаники. Кроме Вэнь Цзинцзин и Ли Хунмэй, они все хотят

поступить в аспирантуру. Они не такие, как мы в 510-й. А теперь поторопитесь, пойдёмте есть барбекю, прежде чем мы пойдём купаться.

— Разве мы не должны сначала поплавать, а потом поесть?

— Все равно, все равно!

Эти двое шумно болтали, спускаясь по лестнице. По пути они ненадолго столкнулись с девушкой в немодных джинсах прямого покроя и футболке с логотипом.

Как только они оказались внизу, Шу Юй оглянулась на лестницу и сделала недовольное лицо.

— Почему эта девчонка снова здесь? Мне просто не нравится, как она выглядит. Вэнь Цзинцзин сейчас единственная в 509-м... как думаешь, она сделала что-то, чтобы разозлить эту девушку?

— Она ведь не знает, что Вэнь Цзинцзин — единственная, кто там наверху, верно? Наверное, она пришла искать Ли Хунмэй, — вздохнув, сказала Ван Цзяо. — Девушкам из 509-й не повезло, что они попали к такому чудаку, как Ли Хунмэй. Она постоянно приглашает в общежитие странных людей. В прошлом году это был какой-то миссионер, а теперь этот неудачник?

— Может, нам стоит сказать тетушке Чжан, что все эти незнакомцы приходят и уходят из здания.

— Забудь об этом. Если их не беспокоят незнакомцы в их собственной комнате, то почему это должно волновать нас? — сказала Шу Юй. — Кроме того, Ли Хунмэй немного сумасшедшая. Я бы не стала с ней связываться. В общежитиях происходит много жестоких преступлений, понимаешь? Мы должны держаться от Ли Хунмэй далеко-далеко.

Когда они вышли из ворот общежития East 9, девушка в футболке с логотипом уже стояла перед комнатой 509.

Она сначала протянула правую руку, слегка постучав в дверь, а затем наклонилась и прижалась лицом к двери. Прошло почти полминуты, но ответа изнутри не последовало. Света тоже не пробивался из-под двери. Она снова постучала и позвала на ломаном мандаринском языке с сильным акцентом:

— Есть кто-нибудь? Хунмэй, ты здесь? Это Сяомин.

Ответа по-прежнему не было.

Но кто-то все-таки выглянул из комнаты 513, бросив презрительный взгляд в коридор.

Теперь, когда она была уверена, что внутри никого нет, девушка из комнаты 509 достала ключ и отперла дверь, как будто она там жила.

— Твою мать! — воскликнула девушка из 513-го, заметно потрясенная. — У нее был ключ?

Внезапно в 509-м зажегся свет. Раздался раздраженный голос Вэнь Цзинцзин:

— Кто, черт возьми, врывается в мою чертову комнату?!

Девушка, вошедшая в комнату, подпрыгнула, так испугавшись, что выронила ключ из рук и начала отступать к двери.

— Я... я стучала в дверь, я не знала...

Вэнь Цзинцзин обладала энергичным и агрессивным характером. Хотя из-за лихорадки она чувствовала себя изможденной, она все еще сохранила часть своей свирепости.

Она поднялась с постели и подошла к незваной гостье:

— Ты не знала, что внутри кто-то есть, и подумала, что можешь отпереть дверь и пригласить себя войти? — потребовала она. — У тебя есть мужество! Ты что, вор? Скажи мне правду, кто дал тебе ключ? Это была Ли Хунмэй?

Вторая девушка судорожно замотала головой, паникуя:

— Хунмэй оставила ключ только мне, я...

— Вор! — закричала Вэнь Цзинцзин. Она схватила девушку за запястье и крепко держала ее, продолжая кричать: — Я поймала вора! Кто-нибудь, позовите тетю Чжан!

Все жители этого этажа более или менее знали, что девочки из 509-ой комнаты не ладили с Ли Хунмэй, и большинство из них чувствовали себя неловко из-за незнакомцев, которые приходили и уходили из общежития, чтобы навестить ее. Поэтому, когда Вэнь Цзинцзин закричала, несколько человек прибежали поддержать ее. Одни окружили нарушительницу, чтобы не дать ей сбежать, другие бросились вниз по лестнице, чтобы позвать ближайших охранников.

Очень быстро девушку отправили в комнату наблюдения здания.

Она была так напугана, что дрожала, когда доставала свои документы. На документах были написаны ее имя и возраст: Чи Сяомин, двадцать один год.

Это был не первый раз, когда Чи Сяомин приходила в это общежитие. До и во время летних каникул Ли Хунмэй несколько раз приводила ее к себе.

Вэнь Цзинцзин была в ярости. Она позвонила Цинь Маньюэ и Лянь Цяо, которые занимались в библиотеке, и заставила их вернуться в общежитие. Ее самообладание вышло из-под контроля, и она настаивала на том, что Чи Сяомин нужно отправить в полицию.

Ли Хунмэй, которая в это время работала вне кампуса, поспешила вернуться, услышав новости. Она была одета в джинсы прямого покроя, как и Чи Сяомин, и в бесплатную футболку, которую некоторое время назад раздавал университетский факультет английского языка. От всего ее тела воняло потом, а на плоском лице читалось беспокойство и тревога.

— Мне очень жаль, — деревянно извинилась она, когда встретилась с Сяомин и другими своими соседками по комнате. — Сяомин — моя подруга, и это я дала ей ключ. Она недавно работала в киоске с фруктами перед университетом, и я подумала... я подумала, что она может приходить к нам в общежитие, когда ей нужно передохнуть.

Вонь, которую она испускала, заставила нескольких девушек зажать носы.

— Эта комната принадлежит только тебе? — резко перебила ее Вэнь Цзинцзин. — Кто дал тебе право принимать такое решение? Ли Хунмэй, ты зашла слишком далеко! Думаешь, мы не знаем, чем ты занимаешься весь день? Ты ходишь по улицам, пристаешь к людям и общаешься со всякими отморозками! Это университетское общежитие, знаешь ли. Что, по-твоему, ты делаешь, приводя сюда столько незнакомых людей?

— Сяомин не мерзавка, она моя подруга, — возразила Ли Хунмэй. Она покрылась холодным потом, который никак не мог остановиться, а в ее глазах были оттенки беспомощности и обиды. — Но то, что произошло сегодня, было моей ошибкой. Я хочу извиниться перед всеми вами.

Сказав это, она низко поклонилась.

Лянь Цяо фыркнула:

— Ты думаешь, что извинений достаточно? Кто знает, что за человек эта Чи Сяомин? Или какие у нее намерения? Мы не успокоимся, пока ее не отправят в полицию!

Чи Сяомин начала тихо плакать:

— Сестра Хунмэй, пожалуйста, помоги мне...

Ли Хунмэй стиснула зубы и окинула взглядом лица трех своих соседок.

Этот полный ненависти взгляд Вэнь Цзинцзин не могла оставить без внимания:

— Какого черта ты так смотришь? — огрызнулась она. — Не думай, что ты сама в безопасности! Когда всех твоих сумасшедших друзей заберут в полицейский участок, тебя тоже привлекут к ответственности за это. Поверь, я могу сделать так, что ты не закончишь университет.

— Мне очень жаль, — повторила Ли Хунмэй, снова глубоко поклонившись. — Это все моя вина. Пожалуйста, умоляю вас, простите меня и Сяомин на этот раз. Клянусь, с сегодняшнего дня я больше никогда никого не приведу в общежитие. Пожалуйста, пожалуйста, поверь мне.

— К черту! — Лянь Цяо резко закатила глаза. — Мы передадим это дело в полицию, что бы ты ни говорила!

— Пожалуйста, я прошу вас. — Ли Хунмэй поклонилась еще ниже. Ее хрупкая спина заметно дрожала.

Тетушка Чжан, комендант общежития, наклонилась к Вэнь Цзинцзин и успокаивающим тоном прошептала:

— Ли Хунмэй извинилась. Давайте на этот раз просто забудем об этом, хорошо? Раздуть из мухи слона — пустая трата времени.

— Нет! — настаивала Вэнь Цзинцзин, она была непреклонной. — Она мне уже давно надоела! Сегодня она вернула какого-то вора, а что будет в следующий раз? Кто знает, что она принесет в общежитие? Она может привести мужчину!

Девушки, наблюдавшие за происходящим, разразились бурным смехом:

— Цзинцзин, о чем ты говоришь? Ли Хунмэй приведет сюда парня? Какой парень может заинтересоваться ею?

Ли Хунмэй все еще низко кланялась. Ее выражение лица было полностью скрыто.

— Я не воровка! — запоздало запротестовала Чи Сяомин.

— Кто сказал, что ты можешь говорить?! — перебила ее Лянь Цяо. Ее рука взлетела вверх, целясь в лицо Чи Сяомин. — Заткнись!

Ли Хунмэй внезапно вскочила и отпихнула Лянь Цяо. Ее лицо превратилось в маску безграничной ярости.

Вэнь Цзинцзин внезапно почувствовала страх. Инстинктивно она потянулась к Лянь Цяо и оттащила ее на шаг назад.

— Забудь об этом, — сказала Цинь Маньюэ, которая до этого молчала. — Если мы передадим это в полицию, это не принесет ничего хорошего ни одной из нас, Цзинцзин. Ли Хунмэй извинилась, а тетюшка Чжан уже сказала, что не стоит придавать этому большое значение, так что давай просто забудем об этом на сегодня.

Ли Хунмэй начала дышать короткими, неглубокими вдохами. Выражение ее лица стало каким-то странным.

Вэнь Цзинцзин сначала не собиралась идти на компромисс, но Цинь Маньюэ внезапно обняла ее и прошептала на ухо:

— Ли Хунмэй какая-то ненормальная. Давай не будем ей вредить. Нам все равно придется жить вместе. А если она сойдет с ума и убьет кого-нибудь? Мы же будем первыми, кто пострадает.

В одно мгновение сердце Вэнь Цзинцзин начало биться как сумасшедшее, почти выпрыгивая из горла от ужаса.

Цинь Маньюэ тихо рассмеялась:

— Не волнуйся об этом, — прошептала она. — Это всего лишь еще один год. У тебя уже есть работа, а мы с Лянь Цяо либо уедем работать за границу, либо поступим в аспирантуру. Ли Хунмэй — единственная, у кого нет будущего. Мы можем потихоньку поиздеваться над ней весь этот год. Мы отомстим.

Наконец, Вэнь Цзинцзин улынулась:

— У тебя всегда самые лучшие идеи.

Когда шум утих, Ли Хунмэй вернулась в комнату 509 и начала собирать чемодан, а Чи Сяомин ждала в коридоре.

Атмосфера в комнате общежития была необычной. Вэнь Цзинцзин, Лянь Цяо и Цинь Маньюэ сгрудились на одной стороне комнаты и громко "шептались".

— В колледже действительно есть все виды животных. За последние три года я многому научилась.

— И она осмеливается носить имя "Хунмей"? "Хун" же означает "красный", а "мей" — "слива"? Я вас умоляю, она больше похожа на лужу грязи!

— Разве вы не знаете, что бесполезные люди всегда собираются вместе? Они заводят друзей, чтобы чувствовать себя лучше, но на самом деле они просто куча мусора, которая только и ждет, когда от нее избавятся.

Конечно, Ли Хунмэй слышала все, что они говорили. Хотя ее кровать все еще стояла в комнате 509, у нее больше не было желания жить там.

— Уже так поздно, — заметила Вэнь Цзинцзин фальшиво-слащавым тоном. — Куда ты идешь?

Ли Хунмэй как раз начала направляться к двери с чемоданом на буксире. Опустив голову и устремив взгляд в пол, она ответила:

— Я собираюсь остановиться в другом месте.

— О, не будь такой, — возразила Лянь Цяо. — Это все еще твое общежитие, что подумают люди, если ты уйдешь? Школьный психолог подумает, что мы над тобой издеваемся.

Она встала и схватила Ли Хунмэй за руку, но Ли Хунмэй отпихнула ее.

— Теперь у тебя такое отношение, да? — усмехнулась Лянь Цяо. — Думаешь, ты такая крутая?

Ли Хунмэй не сказала больше ни слова. Она вырвалась и потянула за собой Чи Сяоминь, быстро пробираясь по коридору.

Позади нее Цинь Маньюэ окликнула:

— Эй! Ты серьезно уходишь? Тогда оставь свой ключ у...

— Ключ мой, — заявила Ли Хунмэй, обернувшись на мгновение. — Я еще вернусь.

Ее голос был совершенно спокойным и ровным, но это был такой тон, который заставлял людей чувствовать тревогу и беспокойство. Это было похоже на звук ногтей, скребущих по доске.

Мгновенно Цинь Маньюэ покрылась мурашками.

***

У Минг Шу и Сяо Юаня были свои квартиры, они не жили вместе. Минг Шу купил свою квартиру сразу после того, как узнал, что его направят на работу в город Донгье. Это был скромный дом, расположенный в среднем районе, и он находился относительно недалеко от Бюро. Две спальни, гостиная. С точки зрения структуры и декора, это была очень простая квартира.

Дом Сяо Юаня находился немного дальше от Бюро. Это была современная, роскошная резиденция, купленная три года назад, хотя и не на имя Сяо Юаня. Дизайн интерьера был невероятно простым и элегантным. Все помещение было оформлено в серых и белых тонах, с жесткими, холодными линиями.

— Почему ты купил здесь квартиру? — спросил тогда Минг Шу. — Ты же не живешь в Донгье.

Сяо Юань возразил:

— Откуда ты знаешь, что я не буду здесь жить?

Холодная, обшарпанная квартира наполнилась жизнью и теплом, как только Сяо Юань приступил к работе на кухне. Минг Шу, признаться, начал беспокоиться о том, что после столь напряженной работы над своими делами в последнее время он может перегореть. Как только они приехали к Сяо Юаню, он завалился на диван, прижал к груди огромную подушку и заснул, пока его не разбудил приятный аромат куриного супа.

Летом темнело позже, но сейчас было девять часов вечера, и ночное небо было абсолютно черным.

Минг Шу сел. На секунду он не понял, где находится.

На самом деле эта квартира не была незнакома Минг Шу. Сяо Юань давно дал ему ключ, и иногда, когда дело заходило в тупик, или когда он скучал по Сяо Юаню, или когда ему просто было скучно и нечем заняться, Минг Шу приходил и оставался на день или два, засыпая на диване.

Большая подушка, которую он обнимал во время сна, была куплена и привезена им самим. Ее цвет и стиль совершенно не подходили для этой квартиры, но когда Минг Шу обнимал ее, казалось, что он здесь не один.

Но ощущение, которое он испытал, проснувшись в этот раз, отличалось от всех других, когда он просыпался на этом диване раньше.

Он немного потер виски, затем посмотрел на кухню.

Оттуда лился яркий свет, и было слышно звук включенной вытяжки. Дверь была наполовину

закрыта, скрывая от глаз фигуру Сяо Юаня.

Минг Шу встал и нетерпеливо зашаркал на кухню.

— Ты уже встал? Принеси мне миски, — сказал Сяо Юань. Он стоял у плиты и заканчивал готовить овощное блюдо. — Не трогай кастрюлю, она горячая. Я сам о ней позабочусь.

— Гэ. — Вместо того чтобы выполнить просьбу Сяо Юаня, Минг Шу обхватил его за талию и обнял сзади. Он уткнулся лицом в знакомое плечо Сяо Юаня, играя роль бесстыдно избалованного любовника.

Сяо Юань улыбнулся.

— Все еще хочешь спать?

Минг Шу слегка покачал головой, почти незаметным движением:

— Я выспался. Просто хочу есть.

— Тогда тебе стоит поторопиться и принести миски, — сказал Сяо Юань. Его тон был бесконечно мягким и снисходительным. Он переложил жареное мясо в фарфоровую тарелку и позволил Минг Шу еще немного пообнимать его, прежде чем сжать руки, которые беспокойно поглаживали его собственный живот. — Давайте есть.

Обед состоял из супа и еще двух блюд. Как только Минг Шу стряхнул с себя вялость, навалившуюся на него после сна, он почувствовал себя бодрым и ел с энтузиазмом, его палочки вылетали снова и снова, быстро, как молния. Прошло совсем немного времени, и они съели всю кастрюлю куриного супа.

Сяо Юань почти ничего не ел. Когда они почти закончили, он вскрыл череп курицы и осторожно положил нежные мозги в рот Минг Шу.

Это было любимое блюдо Минг Шу с самого детства. Но у курицы была только одна голова, и когда ее вскрывали, внутри оказывался лишь крошечный кусочек мозга. Его едва хватало наполнить рот, и он быстро растворялся на языке.

Когда братья и сестры Сяо ели вместе, они всегда дрались за крылья и ноги, а Сяо Юань отбирал голову и выковыривал маленький кусочек, кладя его в миску Минг Шу.

С тех пор как Сяо Юань стал частью его жизни, Минг Шу никогда не приходилось вскрывать куриную черепушку самостоятельно.

С годами загрязнение окружающей среды становилось все хуже, поэтому Сяо Юань не одобрял, когда Минг Шу ел мозги, когда они обедали в ресторанах. Только когда они готовили дома суп из курицы, выращенной на свободном выгуле, он оставлял мозги для Минг Шу.

Минг Шу ел до тех пор, пока не стал сыт и доволен.

После ужина Минг Шу помыл посуду и почистил для них фрукты. Когда они закончили уборку, было уже одиннадцать вечера.

Пора было "делать домашнее задание".

— Нет, подожди, я должен вернуться, — неожиданно сказал Минг Шу. Он лишь немного посидел на диване, прежде чем снова встать. — Дело еще не раскрыто. Я просто чувствую себя беспокойно, когда не работаю над ним.

Сяо Юань, казалось, предвидел это. Он взял ключи от машины и сказал:

— Я тебя подвезу.

Минг Шу поднял брови:

— Ты даже не попытаешься убедить меня остаться? Я приехал и выпил только миску супа, знаешь ли.

— Не миску, а кастрюлю. — Сяо Юань обнял его за шею и поцеловал в лоб, прежде чем они отправились в путь.

— Я думал, ты меня не отпустишь, — проворчал Минг Шу, все еще притворяясь раздраженным, когда пристегивал ремень безопасности в машине.

Прежде чем завести машину, Сяо Юань мягко улыбнулся и протянул Минг Шу маску для глаз:

— Поспи еще немного. Я разбужу тебя, когда мы приедем.

Через полчаса Минг Шу вернулся в офис Отдела тяжких преступлений, неся только что купленный чай с молоком.

И именно в ту знойную летнюю ночь убийца, придя в отчаяние, поднял свой нож.